

**ВЫСОКИЙ ДАР НЕБЕС.
К ВОПРОСУ О КАНОНИЗАЦИИ Н.И. ПИРОГОВА****Шевченко Ю.Л.**

ФГБУ «Национальный медико-хирургический Центр имени Н.И. Пирогова» Минздрава России, Москва

DOI: 10.25881/BPNMSC.2020.54.16.001

**HIGH GIFT OF HEAVEN. TO THE QUESTION ABOUT
THE CANONIZATION OF N.I. PIROGOV****Shevchenko Yu.L.**

Pirogov National Medical and Surgical Center, Moscow

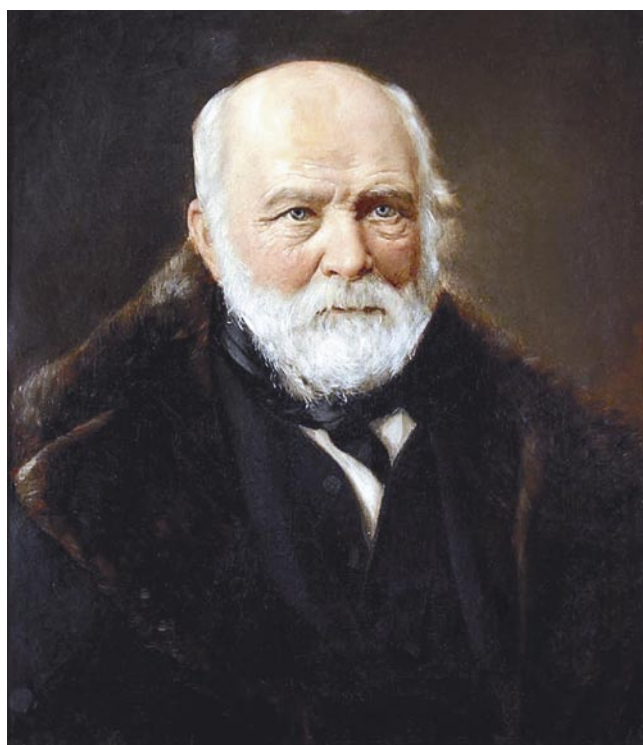
*«...Господи! Удостой меня быть орудием мира Твоего...»
Из молитвы Н.И. Пирогова*

Деятельность Николая Ивановича Пирогова (1810–1881) как великого русского хирурга, ученого и педагога стала для многих поколений отечественных врачей тем высочайшим примером и нравственным идеалом, на который, безусловно, следует всем равняться. В наши дни имя Пирогова вновь вызывает оживленный интерес, его труды востребованы и актуальны, как в медицинской науке и педагогике, так и в вопросах духовной жизни всего нашего общества.

По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Москве нами был создан Национальный медико-хирургический Центр имени Н.И. Пирогова, где витает дух великого и, без сомнения, святого сына человечества. Этот Центр мы смело можем назвать «Домом Н.И. Пирогова», и здесь сегодня ведется масштабная медицинская, научная и просветительская деятельность. А музей великого ученого в структуре Пироговского Центра содержит ряд уникальных экспонатов и является весьма важным звеном, способствующим воспитанию молодежи в духе славных пироговских традиций.

Также по благословию Патриарха Алексия II на территории Центра был возведен храм в честь святителя Николая Чудотворца. Ученым советом Пироговского Центра учреждена и много лет вручается значимая международная Пироговская премия за беспрецедентный вклад в мировую медицину и гуманизм.

Личность Н.И. Пирогова до сих пор привлекает внимание многочисленных исследователей: ему посвящено около четырех тысяч монографий и научных статей, а количество разнообразных публикаций публицистического характера настолько велико, что уже практически не поддается исчислению. Кроме Пирогова, такого внимания при жизни и после смерти не удостоился в нашей стране ни один из известных врачей.

Н.И. Пирогов (1810–1881).

Вместе с тем от взора биографов и исследователей научного наследия Н.И. Пирогова ускользает весьма важный и значимый пласт его мыслей и идей, которые составляют основу религиозного мировоззрения ученого. Число научных и публицистических работ, где предметом изучения становится духовное наследие «первого хирурга России», не превышает нескольких десятков. При этом большинство из них было написано еще в до-революционной России, тогда как изучение религиозных и духовно-нравственных воззрений Пирогова в советское время оказалось под запретом. В результате у нескольких поколений отечественных врачей, включая и наших современников, сформировалось безразличное или отрицательное отношение к духовному наследию ученого.

Между тем многогранная деятельность Пирогова сопровождалась последовательными и чудесными явлениями, предопределившими его яркий и насыщенный жизненный путь. В силу своих исключительных способностей и дарований ученый от юности преуспел в занятиях медициной и наукой. Четырнадцатилетним мальчиком он становится студентом медицинского факультета Императорского Московского университета и показывает отличные результаты учебы на каждом курсе (1824–1828 гг.). Неожиданным и в то же время закономерным, учитывая незаурядные способности, стал отбор семнадцатилетнего Пирогова в качестве кандидата для подготовки к профессорскому званию еще до окончания университета. А в 22 года молодой и талантливый врач удостоивается ученой степени доктора медицины. В 25 лет Пирогов уже профессор хирургии Императорского Дерптского университета, а в 27 лет — автор сразу двух научных монографий, сделавших его имя известным не только в России, но и за рубежом. В 30 лет Пирогов занимает должность профессора хирургии и анатомии Императорской медико-хирургической академии. Четырежды научные труды Пирогова были удостоены высшей награды для ученых в Российской империи — Демидовской премии.

Николай Иванович Пирогов родился в набожной семье и получил домашнее религиозное образование. Родители его были верующими людьми. По словам самого ученого, его «отец, и мать проводили целые часы за молитвою, читая по Третьяку, Псалтырю, Часовнику и т.п. положенные молитвы, псалмы, акафисты и каноны; не пропускалась ни одна заутреня, всенощная и обедня в праздничные дни... О соблюдении постов и постных недельных дней и говорить нечего. Чистый понедельник, сочельники, Великий Пяток считались такими днями, в которые не только есть, но и подумать о чем-нибудь не очень постном считалось уже грехом» [1, с. 122].

Будучи ребенком, Пирогов ежедневно упражнялся в церковном чтении и знал наизусть много молитв и псалмов. По его собственному признанию, «слова молитв, так же как и слова Евангелия, слышавшиеся в церкви, считались сами по себе, как слова, святыми и исполненными благодати Святого Духа; большим грехом считалось переложить их и заменить другими» [1, с. 123]. Пирогов отмечал преимущественно религиозный характер своего семейного воспитания: «Но если несомненно, что начало премудрости есть страх Господень, то, несомненно, и то, что это начало мне было сообщено. Я почитал и боялся. Но, конечно, в моем понятии Бог, Церковь, таинства, служители церкви и обряды составляли нераздельное целое» [1, с. 124].

Детство и отрочество Пирогова прошли в Москве. Дом Ивана Ивановича Пирогова находился в Кривоар-лавском переулке во втором участке Басманной части, в приходе церкви Святой Троицы, что в Сыромятниках [1, с. 93], и поэтому церковное пение, особенно в большие

праздники, когда пели два хора, можно было слышать прямо и дома. Атмосфера, которая окружала жилище, очень колоритно запечатлена на полотне художника Василия Поленова «Московский дворик».

В таких благоприятных условиях, естественно, у мальчика должны были сформироваться живые религиозные чувства. Колоссальное воздействие на душу восьмилетнего Пирогова произвело посещение величайшей святыни русского народа — Троице-Сергиевой Лавры [1, с. 104]. В этом возрасте христианское учение, тем более, основательно преподаваемое любящими родителями, воспринималось Пироговым как аксиома, не вызывая ни сомнений, ни особых раздумий. Ведь в детской вере есть особая черта — ее исключительная чистота и искренняя любовь к Богу.

Когда для дружной семьи Пироговых наступили тяжелые испытания, и над ее главой нависла реальная угроза суда и тюремного заключения [1, с. 120–121], надеясь на благоприятный исход, все стали дружно молиться за Ивана Ивановича. Мать проводила долгие часы за молитвой, а за ней и все остальные читали по богослужебным книгам положенные песнопения, псалмы, акафисты и каноны. Все члены семьи искали защиты и спасения у Бога. Все надеялись и верили, что Господь заступится за отца семейства и справедливость восторжествует. В итоге, Иван Иванович избежал тюрьмы, но его имение было описано, а семья погрязла в долгах [1, с. 163].

В такой сложной ситуации чудесным образом устроилась судьба самого Пирогова, которого вдохновил на занятия медициной Ефрем Осипович Мухин — выдающийся хирург, анатом, физиолог, основоположник российской травматологии, заслуженный профессор и декан медицинского факультета Императорского Московского университета. «В глазах моей семьи он был посланником Неба; в глазах 10-летнего ребенка, каким я был в 1820-х годах нашего века, он был благодетельным волшебником, чудесно исцелившим лютые муки брата, — вспоминал Пирогов. — Родилось желание подражать; надивившись на доктора Мухина, начал играть в лекаря; когда мне минуло 14 лет, Мухин, профессор, советует отцу послать меня прямо в университет» [1, с. 164].

Несмотря на юный возраст, Пирогов принялся усиленно готовиться к вступительным экзаменам на медицинский факультет, которые с честью и успешно выдержал. В своем «Дневнике» Пирогов так описал это событие: «Вступление в университет было таким для меня громадным событием, что я, как солдат, идущий в бой на жизнь или смерть, осилил и перемог волнение и шел хладнокровно... я знал гораздо более, чем от меня требовали на экзамене... Отец повез меня из университета прямо к Иверской и отслужил молебен с коленопреклонением. Помню отчетливо слова его, когда мы выходили из часовни: “Не видимое ли это Божие благословение, Николай, что ты уже вступаешь в университет? Кто мог этого надеяться!”» [1, с. 171].

Шевченко Ю.Л.
 ВЫСОКИЙ ДАР НЕБЕС.
 К ВОПРОСУ О КАНОНИЗАЦИИ Н.И. ПИРОГОВА

Так в 1824 г., несомненно, Божиим промыслом, юный Пирогов раньше своих сверстников поступил учиться на медицинский факультет Московского университета, где целиком и полностью отдался учебе. Тогда же в его жизни начался постепенный отход от религии, произошедший под влиянием старших товарищей из числа студентов-медиков. Однако семейные традиции все еще помогали ему продолжать исполнять православные обряды и участвовать в Таинствах Церкви. Так продолжалось до тех пор, пока юный Пирогов не расстался с богобоязненной матерью и старшими сестрами в связи с поступлением в профессорский институт Дерптского университета и переездом в Прибалтику.

Занятия наукой, и, впоследствии, преподаванием потребовало большого напряжения душевных и физических сил. Вероятно, именно поэтому, как вспоминал Пирогов, вопросы религии для него отошли на второстепенный план. Этот этап своих религиозных воззрений он назвал «блужданием в непроходимых дебрях и топях» [1, с. 129].

Но это признание ничуть не свидетельствует о полном отступлении Пирогова от Православия. Образцовое служение великого хирурга высшим нравственным идеалам — Отечеству и страждущим людям — само по себе уже достойно самого глубокого уважения. Его неукротимое стремление познать законы природы, закономерности жизнедеятельности, сущности развития патологических состояний и, самое главное, найти способы помочь больным полностью соответствует понятиям христианского милосердия.

Как всякий православный русский человек, Пирогов носил нателный крест, в дни церковных праздников посещал богослужения, где любил слушать чтение и пение псалмов. Увлеченный мыслями о спасении страждущих людей и практически осуществляя это на деле, он ревностно соблюдал евангельские заповеди, полагая все силы своего ума и души труд ради помощи ближнему. Занимаясь медициной, Пирогов усвоил главный урок, понимание того, что вера ни в коем случае не должна входить в конфликт с научным знанием. По мнению ученого, хотя способность познавать, основанная на сомнении, и не допускает веры, но вера не стесняется знанием и идет своим путем: «Безусловное доверие к избранному идеалу — вот начало веры. Нет нужды, если он будет абсурдом. *Credo quia absurdum est* (лат. верую, ибо абсурдно — Ю.Ш.)! В этом изречении Тертуллиана, одного из столпов Церкви, глубокая правда» [1, с. 138].

Апофеозом литературного наследия Н.И. Пирогова является «Дневник старого врача», написанный в последние годы жизни ученого (1879–1881). Это кульминационное произведение является не только автобиографическим, но, прежде всего, научно-философским, и в какой-то степени даже религиозным трактатом. Здесь ученый последовательно изложил все метаморфозы своего мировоззрения, которое в результате постоянных и глубоких духовных исканий

Н.И. Пирогов в годы учебы в Дерпте.

менялось в течение всей его жизни и плодотворной творческой деятельности.

Наиболее значимые мысли Пирогова о религии, Церкви и Боге мы встречаем в автобиографической части «Дневника старого врача» после описания учебы в частном пансионе В.С. Кряжева и до поступления в Московский университет. Богословский раздел своего последнего труда ученый написал в январе-феврале 1881 г. в своем имении Вишня под Винницей.

Многие годы сомнений и критических размышлений потребовались Пирогову, прежде чем ему удалось определить, в чем заключается главный из вопросов жизни. На закате своих лет ученый окончательно утвердился на подлинно христианском разрешении этого самого насущного из жизненных вопросов, решительно сказав, что «главный вопрос жизни — вопрос о Боге» [1, с. 128].

Эта же формулировка главного вопроса жизни стала у Пирогова центральным звеном особой классификации религиозных убеждений ученых исследователей: «Каким бы предметом ни занимался человек науки, все знают, что он никак не отделается от назойливого вопроса: во что он верит; а этот вопрос — самый главный: согласны ли его верования с убеждениями, добытыми им путем науки?» [1, с. 126].

Следуя этому тезису, Пирогов разделял ученых на три группы.

К первой группе принадлежали скептики, «искренно верующие» католики, протестанты и право-

славные исследователи, которые были убеждены, что Пресвятая Дева помогает им в решении трудных научных задач.

Ко второй группе относились научные работники, старавшиеся примирить свои научные убеждения с религиозными постулатами.

Третью группу представляли «ни во что не верующие» или атеисты, опиравшиеся в своих исследованиях на материалистическое учение.

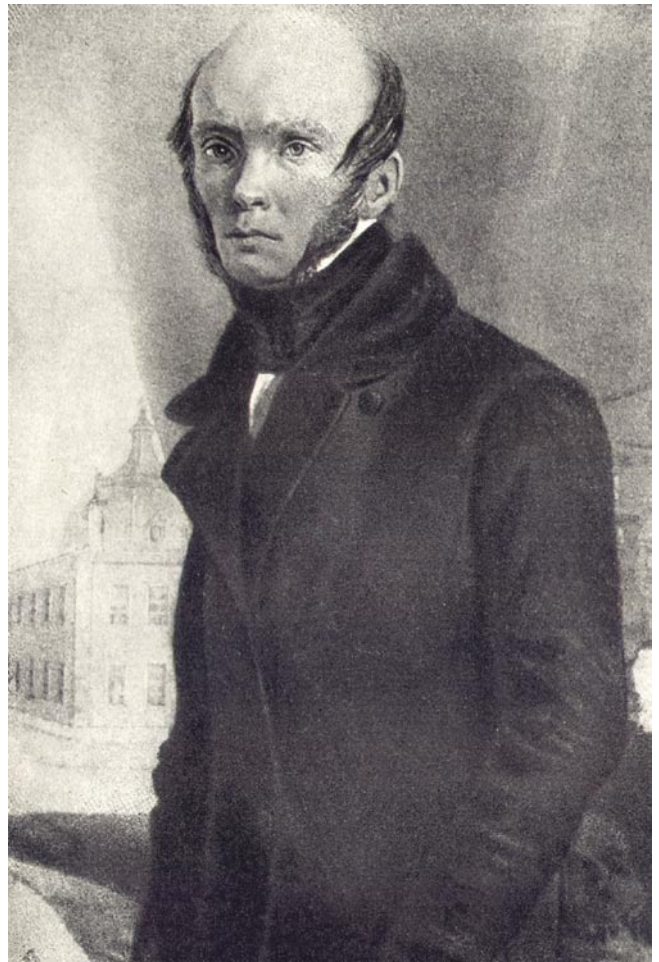
К какой же из этих групп относил себя сам Н.И. Пирогов? В своем дневнике он писал следующее: «Мои религиозные убеждения не оставались в течение моей жизни одними и теми же» [1, с. 125].

Более двадцати лет жизни (1828–1848) продолжался период сомнений и неверия Пирогова. Неверия, которое, по собственному признанию ученого, никогда не являлось полным. Отсюда в трудные минуты жизни он «не мог не обращать взор на небо» [1, с. 284], включая время научных занятий в Дерптском профессорском институте (1828–1833), и последующие годы преподавательской деятельности в нем (1836–1841).

Вместе с тем в научных работах Пирогова того времени можно найти ряд свидетельств, подтверждавших, что его неверие и религиозное отрицание было все же ограниченным и полного разрыва с Церковью не произошло. Например, об этом свидетельствует использование ученым богословских терминов и ссылок на Священное Писание в его «Анналах хирургического отделения клиники Императорского Дерптского университета» [2, с. 13, 265; 3, с. 286]. Венцом богословской терминологии, использованной в этой профессиональной врачебной работе, стало утверждение о высоком «даре небес, которым отмечены только избранные врачи» [3, с. 355]. Этот афоризм в труде утратившего веру хирурга производит впечатление «белой вороны», ведь такой «небесный дар» проявляется только в виде высочайшего врачебного искусства, чему свято верит верующий и что отвергает атеист.

В тот же период жизни Пирогов стал одним из немногих, кто взял за правило открыто свидетельствовать о собственных ошибках, дабы не допустить их повторения другими. Увидевший свои грехи, как известно, выше увидевшего ангела, ибо первый видит духовными очами, второй — чувственными. И это является еще одним подтверждением того, что религиозное чувство Пирогова в полной мере не подавлялось материализмом и неверием, а как бы проступало наружу, подтверждая древний афоризм Тертуллиана — *anima naturaliter christiana* (лат. — душа по природе христианка).

Более осознанный отход от атеизма начался у Пирогова после его перевода из Дерпта в Санкт-Петербург в 1841 году, когда он стал профессором Императорской медико-хирургической академии. Здесь в течение нескольких лет развивалась и крепла «потребность веровать», как писал ученый после тяжелой болезни, приключившейся с ним в феврале-марте 1842 г.

Н.И. Пирогов после переезда в С.-Петербург (на втором плане — здание Императорской медико-хирургической академии, профессором которой он являлся).

Пирогов так вспоминал о событиях тех дней: «Во время этой болезни мне в первый раз в жизни пришла мысль об уповании в Промысел. Что-то вдруг, во время ночных бессонниц, как будто озарило сознание, и это слово “упование” беспрестанно вертелось на языке. И вместе с упованием зародилась в душе какая-то сладкая потребность семейной любви и семейного счастья... Я счел это за призыв свыше...» [1, с. 423].

Следуя такому призыву, Пирогов вскоре сделал предложение своей избраннице Екатерине Дмитриевне Березиной. Во время ожидания скорой свадьбы последовал и второй «призыв». «В первый раз я пожелал бессмертия — загробной жизни. Это сделала любовь. Захотелось, чтобы любовь была вечна... Потом это... желание беспредельной жизни, жизни за гробом, постепенно исчезло...» [1, с. 425].

Эти необычные «призывы» свыше, адресованные врачу-атеисту, были подобны обращению библейского Савла (Деян. 9:1-19), которого Господь сделал Своим избранным сосудом, и который стал ревностным учеником Христа, известным под именем апостола Павла.

И эти, несомненно, божественные «призывы», которые ощущал на себе Пирогов, конечно же, сыграли значимую роль в подготовке духовно-нравственного переворота, впоследствии направившего ученого на православную духовную стезю.

«Для врача, ищущего веры, самое трудное уверовать в бессмертие и загробную жизнь», — отмечал Пирогов, имея в виду, конечно же, собственный опыт. — Это потому, во-первых, что главный объект врачебной науки и всех занятий врача есть тело, так скоро переходящее в разрушение; во-вторых, врач ежедневно убеждается наглядно, что все психические способности находятся не только в связи с телом, но и в полной от него зависимости...» [1, с. 149].

Вскоре Пирогова постигли очень серьезные испытания, ставшие причиной его окончательного религиозно-нравственного преображения. Здесь, прежде всего, следует назвать личную трагедию — неожиданную смерть жены Екатерины после родов второго сына в 1846 г. Так безутешный вдовец остался один с двумя малолетними детьми на руках. «Ее уже нет! Уже нет матери моих двух бедных сыновей! Она оставила меня так скоро, так неожиданно, что я еще не могу свыкнуться с этой мыслью, что я оставлен, я овдовел и осиротел», — сокрушался Пирогов. Мужественный человек, привыкший смотреть в лицо смерти, горько рыдал: «Я плачу не за себя одного и не за своих детей; я плачу тоже и за ту, которую оплакиваю; ей еще хотелось пожить» [4, с. 203].

Но скорби не оставляли Пирогова. В 1848 г. у него начались многочисленные неприятности на службе. Вопиющей несправедливостью стал разнос, учиненный Пирогову военным министром Чернышевым после возвращения хирурга из многомесячной командировки на Кавказ. Причиной недовольства министра стал помятый мундир измученного долгой дорогой хирурга. В итоге доклад Пирогова об успехах в деле анестезирования не был принят. После произошедшего униженному ученому не хотелось жить.

Черная полоса для Пирогова продолжилась в стенах Медико-хирургической академии, где он столкнулся с завистью коллег. Гнусные интриги стали реакцией на выдающиеся научные и профессиональные успехи великого хирурга. Также не могли простить Пирогову его высокой нравственности и исключительных моральных качеств. Происки академической профессуры сопровождалась злобными нападками и откровенной клеветой в адрес ученого. Для этого задействовали даже столичную прессу, для чего недруги Пирогова специально наняли скандального журналиста Ф. Булгарина и от его имени распространяли по Петербургу мерзкие клеветнические статьи [4, с. 223–225].

Началась травля Пирогова. Ему вменялось в вину научное открытие, святое дело, которое облегчило страдания раненых и спасло жизни тысяч людей — применение эфирного наркоза во время операций. Недоброжелатели великого хирурга возмущались, что «своим эфиром он

заморочил всем головы. Изданные до него пособия по анатомии он считает слабыми». Также в вину ученому вменялось то, что он, «открыв свой Анатомический институт, заразил студентов анатомией. Все только про него и говорят, как будто нет других профессоров». Патриотическая позиция Пирогова и его высказывания о том, что «французские и немецкие взгляды вредны русскому духу», а также призыв развивать отечественную медицину, вызвали неодобрение и злость у завистников, которые возмущались тем, что «на одной конференции он во весь голос заявил, что пора поднять знамя русской науки» [4, с. 223].

Много грязи вылил на Пирогова авантюрист Булгарин, этот «герой» многочисленных эпиграмм Пушкина, Вяземского, Баратынского, Лермонтова и Некрасова. Исполнившись ненавистью к великому хирургу, Булгарин похвалялся своим заказчиком: «Нахвтался вершков этот Пирогов и думает уже, Бог. Это ему не скальпелем тела кромсать. Мы уже если тяпнем, то и встать более не пожелаешь... Не таких ученостей, я, бывало, на крюк вздергивал, а Пирогова-бедняка и подавно в пух и прах разнесу» [4, с. 223].

Занявшись столь постыдным делом, Булгарин принялся принижать все заслуги Пирогова в эфирном обезболивании, а заодно объявил его не хирургом, а «проворно резающим шарлатаном», написал, что еще в Дерпте Пирогов будто бы «учился не лечению больных, а резанию» [4, с. 224]. Затем Булгарин вошел в еще больший раж и опубликовал фельетон, в котором цинично клеветал, что известное сочинение Пирогова «Полный курс прикладной анатомии человеческого тела» было заимствовано у англичанина Чарлза Бэлла [4, с. 225].

В связи со всеми этими интригами, прямыми оскорблениями и ложными обвинениями, Пирогов был очень близок к оставлению профессорской деятельности в Медико-хирургической академии, считая себя опозоренным учителем, «который по соображениям совести не в силах уже вести дальнейшее преподавание студентам» [4, с. 226]. На счастье, военный министр уговорил Пирогова остаться в Академии, попросив при этом прощения за историю с помятым мундиром.

Но такая травля не прошла бесследно, положив на сердце глубокую незаживающую рану. В эти трудные времена ученого часто преследовало мрачное и подавленное настроение. Профессор хирургии и анатомии Н.И. Пирогов своим видом напоминал или гонимого, или недовольного собственной жизнью человека. Возможно, именно о многих неприятностях, случившихся с ним в первые годы работы в Петербурге, вспоминал ученый, когда записал такие строки в своем «Дневнике»: «Слабость тела и духа, болезнь, нужда, горе и беды считаются главными рассадниками веры» [1, с. 140].

Здесь уместно снова провести параллели из жизни Пирогова с событиями Священной истории, в этой ситуации — с личностью Иова многострадального, которого сатана по Божьему попущению испытал всеми бедствия-

ми земной жизни. Но затем после долгих скорбей Господь щедро наградил Иова за терпение и смирение.

Так подобно Иову со смирением и терпением пережил все горести и Пирогов. Медленно, мучительно, но неуклонно продвигался видный хирург к обретению спасительного дара Православной веры, и этот путь был усыпан не только терниями житейских проблем, но и был умножен многими препятствиями в виде колебаний и сомнений, с которыми неизбежно сталкивается на собственном профессиональном пути каждый естествоиспытатель и, особенно, врач-хирург.

Итогом всех душевных страданий и переживаний, а также глубоких религиозных исканий Пирогова стало обретение им высокого идеала веры. Вот слова ученого: «После того, как я убедился, что не могу быть ни атеистом, ни деистом, я искал успокоение и мира души, и, конечно, пережитое уже мною чисто внешнее влияние таинств церковных богослужений и обрядов не могло успокоить взволнованную душу... Мне нужен был отвлеченный, недостижимо высокий идеал веры. И, принявшись за Евангелие... а мне было уже 38 лет от роду, я нашел для себя этот идеал... Выше законов нравственности, непостоянных, нетвердых, подлежащих толкованиям, обходам, уступкам и разного рода лазейкам, поставлен был совершенно в другой сфере идеал неземной и вечный, — будущая жизнь и бессмертие» [1, с. 145–146, 148].

С этого времени ученый вновь обрел для себя Православие, а, вместе с ним, и благодать молитвенного общения со Христом. Только тот, кто многократно достигал такой благодати в собственных обращениях к Богу, мог написать эти проникновенные строки: «Веруй в любовь и уповай в благодать Высшего предопределения; молись всеобъемлющему духу любви и благодати о благодатном настроении твоего духа. Ни для тебя, ни для кого другого ничто не переменится на свете — не стихнут бури, не усмирятся бушующие элементы; но ты, но настроение твоего духа может быть изменено полетом души, окрыленной верою в благодать Святого Духа... Когда ни одно предопределенное горе, ни одна предопределенная беда не может быть устранена от тебя, ты все-таки можешь остаться спокойным, если благодать молитвы сделает тебя менее впечатлительным и более твердым к перенесению горестей и бед» [1, с. 158–159].

Веруя в то, что основной идеал учения Христа по своей недостижимости останется вечным, и вечно будет влиять на души, ищущие мира через внутреннюю связь с Божеством, Пирогов утверждал, что Христианству суждено быть неугасаемым маяком на извилистом пути человеческого прогресса.

Исповедуя веру, Пирогов говорил следующие слова: «Для меня главное в Христианстве — это недостижимая высота и освещающая душу чистота идеала веры; на нем целые века тьмы страстей и неистовств не оставили ни единого пятна; кровь и грязь, которыми мир не старался осквернить идеальную святость и чистоту хри-

Н.И. Пирогов после обретения православной веры (1854).

стианского учения, стекали потоками назад на осквернителей» [1, с. 142].

В 1848 г. в Петербурге свирепствовала холера. Пирогов по распоряжению военного министра в своей клинике открыл холерное отделение, где принялся изучать развитие и течение опасной болезни. Несмотря на все карантинные меры, холера убивала множество людей. Могилы были переполнены телами умерших. Врачи боялись вскрывать холерные трупы, но Пирогов не только не боялся, но и самоотверженно работал в Анатомическом институте, где провел сотни вскрытий. Рассматривая пораженные ткани через микроскоп, он сделал массу патологоанатомических срезов и препаратов [4, с. 229]. Материалы 400 вскрытий Пирогов использовал для написания своей монографии, посвященной патологической анатомии азиатской холеры, где подробно описал проявления холерного процесса, а также установил, что зараза проникает в организм с пищей и питьем. Работа снабжена атласом рисунков и таблицей вскрытий. В 1851 г. этот труд Пирогова был удостоен Демидовской премии Академии наук.

Так великий хирург, выполняя свой профессиональный долг врача и долг христианина, постоянно находясь под угрозой заражения смертельной болезнью, совершил жертвенный подвиг во имя Отечества и ради спасения людей. Труд Пирогова по азиатской холере является основополагающим и неповторимым по своему содержанию и в наши дни [4, с. 230].

Врачебная деятельность Н.И. Пирогова в период героической обороны Севастополя (1854–1855) была, без

Шевченко Ю.Л.
 ВЫСОКИЙ ДАР НЕБЕС.
 К ВОПРОСУ О КАНОНИЗАЦИИ Н.И. ПИРОГОВА

преувеличения, христианским подвигом самопожертвования. Животворным источником этого подвига являлась Православная вера, указавшая хирургу Пирогову верный путь для приложения своих врачебных усилий в осажденном врагами Севастополе. Где же, как ни здесь, на переднем крае героической обороны славного русского города, больше всего нуждались и в милосердии, и во врачебной помощи мужественные защитники нашей Родины!

Слав христианского милосердия и врачебного долга, ставший основой практической и общественной деятельности видного хирурга на театре Крымской войны, привел его и к выдающимся достижениям на врачебном поприще. В наши дни эти результаты позволяют отнести Пирогова к числу немногих организаторов общественного здравоохранения, чьи достижения в период севастопольской обороны имели мировое значение.

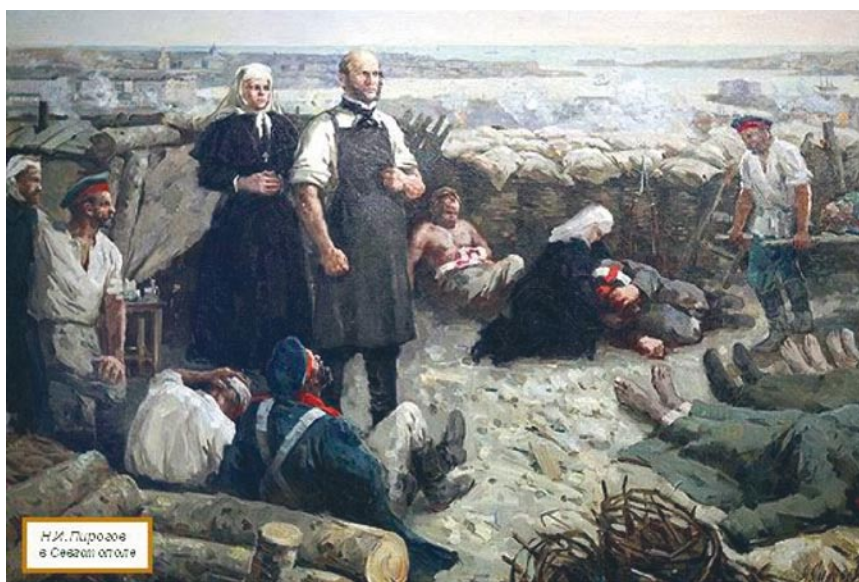
Одним из выдающихся достижений великого хирурга становится организация работы отрядов сестер милосердия. Эти отряды первоначально были сформированы в Петербурге и в Москве силами и средствами императорской фамилии. По мере прибытия таких отрядов на театр военных действий руководство их деятельностью принял на себя Пирогов. В мировой истории медицины российские сестринские отряды времен Крымской войны стали прообразом международного института медицинских сестер, у истоков которого стоял наш выдающийся соотечественник.

Другим выдающимся достижением организации высокого качества оказания медицинской помощи в военно-полевых условиях является применение Пироговым медицинской сортировки в условиях массового поступления раненых на главный перевязочный пункт Севастополя в 1855 г.

Эта новая организационная мера позволила эффективно оказывать раненым квалифицированную хирургическую помощь ограниченными силами и средствами врачебно-сестринских бригад, которых в военное время всегда недостаточно. До введения Пироговым медицинской сортировки врачебно-сестринские бригады помогали раненым лишь выборочно, но этот «выбор» был хаотичным и предоставлялся воле случая, в результате чего, многие умирали, так и не дождавшись помощи. Заслуга Пирогова состояла в том, что оказание квалифицированной хирургической помощи стало проводиться по результатам предварительного врачебного осмотра и оказания неотложной врачебной помощи всем, кто в ней нуждался.

В процессе медицинской сортировки все раненые, поступившие на главный перевязочный пункт Севастополя, разделялись на 4 категории, в том числе: легко раненые (не требующие оперативного лечения); требующие оказания квалифицированной хирургической помощи по неотложным показаниям или в первую очередь; те, кому оказание квалифицированной хирургической помощи может быть отсрочено, и она будет оказываться во вторую очередь; агонирующие или имеющие повреждения, не совместимые с жизнью, и нуждающиеся в облегчении телесных и душевных страданий (опека обученной сестры милосердия и православного священника).

Основные принципы медицинской сортировки, предложенные Пироговым в ходе Крымской войны, продолжают использоваться в мировой военно-медицинской практике сегодня, включая современные военные конфликты. За заслуги в оказании помощи раненым и больным Пирогов был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени.

Н.И. Пирогов на передовом перевязочном пункте Севастополя.

Н.И. Пирогов осматривает больного Д.И. Менделеева (худ. И.А. Тихой).

Но великому хирургу предстояло еще и другое ответственное поприще деятельности, ему было суждено прославиться в качестве педагога-администратора, которому очень многим обязана наша школа. После возвращения из Крыма, сознавая необходимость всестороннего преобразования русской жизни, Пирогов обратил внимание на положение образования в России и на воспитание молодого поколения. В скором времени в сентябре 1856 г. ученый был назначен попечителем Одесского учебного округа, а с июля 1858 г. — попечителем Киевского учебного округа.

Главной мыслью Пирогова, и это стало революционным прорывом в отечественной педагогической мысли тех лет, стало утверждение, что, прежде всего, надо воспитать в учащемся человека, а уже затем следует учить его той или иной профессии. Ученый писал: «Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себя наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у вас будут люди и граждане» [5, с. 30].

Знаменитый принцип Пирогова о воспитании в человеке, прежде всего, Человека с большой буквы, заключается в выдвигании на первый план нравственных достоинств, гуманизма, уважения к человеческой личности независимо от положения в обществе и национальности. Этот принцип, безусловно, основан на христианских идеалах. Он восходит к апостолу Павлу, который убеждал уверовавших во Христа оставить всякую неправду, «совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:8–11).

Для педагогической системы Пирогова характерно стремление построить образование на единой научной основе, имеющей непрерывную связь, начиная с низшей и кончая высшей школой, так, чтобы одно учебное заведение служило базой для другого и, вместе с тем, представляло собой определенную ступень подготовки учащихся к практической жизни.

Пирогов так сформулировал главную цель воспитания — формирование высоко нравственной человеческой личности. Стремление человека решить вопрос о смысле и цели своей жизни ученый рассматривал как «вопрос жизни», как «самый существенный атрибут духовной природы человека» [5, с. 25]. Поскольку путь к самопознанию и самосовершенствованию довольно сложный и трудный, то задача системы воспитания и образования заключается в том, чтобы помочь человеку на этом пути.

Ценность и значимость человека, по мнению Пирогова, определяется его нравственным достоинством, устремленностью его деятельности, соответствием слов и дел. «Быть, а не казаться» — вот нравственный принцип ученого на протяжении всей жизни, а также в его научной и практической деятельности.

Таким образом, Пирогов впервые в истории русской педагогики поставил в центр внимания сам объект воспитания — человека, он показал, что человек, личность представляет собой самостоятельную ценность, а не средство для достижения других целей.

Обращение ученого к Православию стало катализатором не только его выдающихся достижений в области практической медицины и педагогики. Фундаментальные открытия в естественнонаучных исследованиях, задуманных еще в период неверия, осуществились Пироговым на практике уже после того, как он встал на путь примирения своих научных убеждений с религиозными воззрениями.

Примером этому может служить выдающийся научный труд великого хирурга под названием «Иллюстрированная топографическая анатомия распилов, произведенных в трех измерениях через замороженное человеческое тело» изданный в 1851–1859 гг. [6]. Предварительные исследования в этой области были начаты Пироговым еще в 1836 г., когда он стал профессором хирургии на медицинском факультете Дерптского университета и относился к числу атеистически настроенных исследователей. Обретение Православной веры совпало у ученого с подготовкой к проведению новых топографо-анатомических исследований, связанных с послойными распилами замороженного человеческого тела в 1849 г.

Духовные размышления привели Пирогова к выводу, совпадающему с известными словами апостола: «вера без дел мертва» (Иак. 2:17). При этом под делами имеется в виду православный принцип «добротоделания», основанный на том, что всякое доброе дело совершаемое верующим, является выражением его служения Господу.

Отсюда самоотверженная работа ученого над «Иллюстрированной топографической анатомией...», где с высокой «точностью излагалось положение всех частей тела», рассматривалась Пироговым как одно из главных добрых дел, совершавшихся ради исцеления людей от страданий руками хирургов, для которых и предназначался этот великий труд. «Так Евангельская любовь к ближнему материализовалась в научном труде Пирогова, считавшего профессиональную деятельность ученого и врача одним из способов «добротоделания» во имя служения Иисусу Христу. Высочайшая цель, к достижению которой стремился Пирогов, во многом объясняет ту невиданную целеустремленность, с которой он продвигался к завершению своего труда, несмотря на многолетние препятствия (1849–1859). В наши дни становится общепризнанным небывалый научный результат, достигнутый тогда Пироговым» [7, с. 87].

В наши дни все больше и больше ученых приходят к признанию удивительного научного факта, свидетельствующего о том, что «Иллюстрированная топографическая анатомия распилов...» Пирогова считается предтечей компьютерной томографии, одной из новейших технологий XXI в.

Следует помнить и о том, что практическая работа Пирогова над знаменитой «Ледяной анатомией» была завершена в 1859 г. уже на древней киевской земле, в то время, когда он был попечителем Киевского учебного округа.

Так в религиозном мировоззрении Пирогова в киевский период его жизни произошло окончательное примирение врачебной науки и Христианства. Это примирение представляет собой квинтэссенцию духовного наследия ученого. Иначе и быть не могло, ведь древний Киев — это колыбель Крещения Руси, колыбель нашего Православия, святое место, где прославились духовными и врачебными подвигами святые целители, среди которых следует назвать имена преподобных Агапита, Дамиана, Ипатия Печерских. В сонме киевских святых следует также назвать таких подвижников, как основатели Киевской лавры преподобные Антоний и Феодосий, преподобный Нестор Летописец, преподобный Илья Муромец и др.

Живым свидетельством обретения прежде утраченной веры звучат слова Пирогова: «Если я спрошу себя теперь: какого я вероисповедания, то отвечу на это положительно: православного — того, в котором родился, и которое исповедовала вся моя семья» [1, с. 159].

Обращение к Богу у Пирогова носило печать осознанного выбора и живой потребности ума: «Для меня существование Верховного Разума и Верховной воли сделалось такой же необходимостью, как мое собственное умственное и нравственное существование» [1, с. 140].

При этом великий хирург свои научные и медицинские занятия сочетал с молитвенным усердием: «Из всех молитв самая благодатная завещана нам Спасителем; произнося ее, я призываю имя и царство Божие к себе и молю сообщить мне то настроение души, которое охранило бы меня от искушения и зла» [1, с. 159].

На исходе жизни Пирогов смиренно и с благодарностью принял на себя крест тяжелых мучений от неизлечимой болезни, засвидетельствовав это в своем «Дневнике»: «Благодарю моего Господа Бога, что страдания не лишили меня способности живо вспоминать старое, думать и писать. Да будет воля святая Твоя!» [1, с. 347].

Сущность духовного наследия Пирогова, заключающаяся в единении науки и религии, раньше других удалось распознать выдающемуся нейрохирургу Н.Н. Бурденко, за плечами которого был собственный «дерптский период». 5 ноября 1908 г. Бурденко выступил на первом заседании Юрьевского (Дерптского) врачебного общества им. Н.И. Пирогова с сообщением «О Н.И. Пирогове с исторической точки зрения». В своем докладе Бурденко отметил «стремление соединить веру с анализом» в жизни и научной деятельности Пирогова [8, с. 13]. Здесь под «анализом» имелось в виду не что иное, как научная деятельность великого хирурга, память о котором, по мнению Бурденко, «должна быть поддерживаема, как светильник, льющий кроткий примирительный свет. В ее живучести — утешение для тех, на кого могут нападать

минуты малодушного неверия в возможность и осуществимость добра и справедливости на земле» [8, с. 3].

О высоком предназначении духовного наследия Пирогова свидетельствовал и видный отечественный юрист А.Ф. Кони, выступивший с незабываемой речью на заседании, посвященном 100-летию со дня рождения великого хирурга. «Оставленный Пироговым “Дневник старого врача”, — отмечал Кони, — дает возможность заглянуть в его душу не как общественного деятеля и знаменитого ученого: он дает возможность услышать голос сердца человека, того человека, которого Пирогов хотел воспитать в каждом юноше. Это сердце переполнено глубокой и трогательной веры в высший Промысел и умиления перед заветами Христа. Жизнь учит, что Христос имеет много слуг, но мало действительных последователей. Одним из них был Пирогов» [9, с. 26].

После революции прежнее трепетное отношение к духовному наследию Пирогова, сменилось на негативное. В духе пропаганды атеизма и теорий материализма стало невыгодным говорить о религиозном характере воззрений великого русского хирурга.

Одним из таких примеров может служить работа видного отечественного хирурга В.А. Оппеля, увидевшая свет в первые годы советской власти под названием «История русской хирургии». В этой работе можно заметить осуждающий взгляд советских ученых на духовное наследие «первого хирурга России», определяющее значение которого по отношению к остальным частям пироговского наследия (в том числе в области клинической медицины, морфологии, педагогики и общественной деятельности) стало подвергаться сомнению. «На Пирогова принято смотреть как на некоего святого, — писал В.А. Оппель. — Если читать его “Вопросы жизни”, т.е. его предсмертное творение, которое он, к сожалению, не окончил, то может получиться и впечатление некоторой святости. Однако это впечатление, несомненно, ошибочно» [10, с. 262].

В скором времени существенно изменил свое прежнее положительное отношение к религиозно-философским взглядам Пирогова и другой его биограф, С.Я. Штрайх, который писал: «Религиозно-философская позиция Н.И. Пирогова, примирила с Пироговым (после его смерти) не только реакционеров и монархистов, но и служителей церковного культа, с радостью ухватившихся за религиозно-патриотические откровения великого хирурга. Целый ряд статей, помещенных разными священниками в церковно-приходских журналах, засорил огромную литературу о научных заслугах Пирогова и многочисленные воспоминания об его общественно-медицинской и педагогической деятельности» [11, с. 150].

Совсем иным было отношение к личности и духовным исканиям Пирогова в русской эмигрантской среде. Выдающийся религиозный философ, богослов, культуролог и педагог протоиерей Василий Зеньковский в своей «Истории русской философии», изданной в Париже в конце 1940-х гг., так охарактеризовал религиозно-

философские взгляды великого хирурга: «Вера для Пирогова означала живое ощущение Бога; не историческая, а именно мистическая реальность Христа напитала его дух... Самое замечательное в построениях Пирогова есть, конечно, его разрыв с материализмом и позитивизмом и выход за пределы секулярной идеологии. То “биоцентрическое” понимание мира, к которому пришел Пирогов, живое ощущение мирового разума и истолкование в свете этих идей тем космологии и антропологии, — все это обратило сознание Пирогова к религиозной жизни» [12, с. 371, 372–373].

В это же самое время в СССР гласом вопиющего в пустыне стала работа выдающегося хирурга и архипастыря Русской Православной Церкви святителя Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого). Его научно-богословский трактат «Наука и религия», оставался неизвестным несколько десятилетий, прежде чем увидел свет уже в новой России. Святитель Лука справедливо утверждал, что: «великие ученые, которые служат для нас авторитетом в области науки, оказывается, могут быть для нас примером и в области религии. И потому:

Не ограждайся гранью тесной,
Огней духовных не туши,
Свободомыслие совместно
С религиозностью души» [13, с. 653].

Для святителя Луки именно жизнь и творческая деятельность Пирогова, которого он называет «гениальным врачом-гуманистом», стала одним из выдающихся примеров примирения науки и религии. Применительно к своему времени, архиепископ Лука с сожалением констатировал, что «отношение Пирогова к религии старательно скрывается современными писателями и учеными». Приводя примеры из «Дневника» великого хирурга, святитель совершенно справедливо отмечал, что Н.И. Пирогов «исповедует христианскую веру именно так, как она излагается Православной Церковью» [13, с. 651].

Во второй половине XX в. в СССР были предприняты попытки подвергнуть атеистической цензуре творения Пирогова. Одним из таких примеров является издание с купюрами «Дневника старого врача» в 1962 г. Издатели даже не скрывали от читателей факт цензуры. Так в одном из примечаний, сделанных от имени коллегии редакторов, и приведенных в приложении к книге, отмечалось следующее: «В своем “Дневнике” Н.И. Пирогов уделит значительное место своим религиозным убеждениям, которые теперь не представляют интереса и в настоящем издании не даются» [14, с. 412].

Однако как же было велико наше удивление, когда нам довелось провести дословное сравнение текстов двух изданий этого выдающегося труда Пирогова, в том числе юбилейного дореволюционного и советского. На деле оказалось, что духовное наследие «первого хирурга России», занимавшее значительную часть работы в советском издании 1962 г., оказалось нетронутым и в целом приводилось в той же редакции, что и в издании 1910 г. [15]. Незначительные изменения, на которые решились

редакторы советского времени, заключались в замене заглавных букв на строчные в нескольких словах, таких как «Бог», «Господь», «Его» и др. Эти слова, наделенные высочайшим духовным смыслом, в рукописи Пирогова начинались, конечно же, с большой буквы.

И такое неожиданное «попустительство» со стороны редакторов казалось чудом, особенно после сделанного ими же самим предупреждения об исключении из «Дневника...» сведений о религиозных убеждениях автора, якобы не представлявших интереса для советских читателей.

В действительности цензорские купюры советского времени оказались самыми значительными (несколько десятков страниц, если сравнивать с изданием 1910 г.). Тем не менее, они не коснулись духовного наследия Пирогова!

Другим чудесным событием советского периода можно считать выход в свет книги врача и члена Союза писателей СССР А. П. Брежнева под названием «Пирогов», опубликованной в серии биографий «Жизнь замечательных людей» в 1990 г. Это, пожалуй, единственная из всех работ советского времени, где без оглядки на цензора была последовательно изложена некоторая часть духовного наследия Пирогова.

Вот как в работе А.П. Брежнева описывается, к примеру, рождение 13-го ребенка, которым стал сын Николай, в семье казначея Московского провиантского депо Ивана Ивановича Пирогова: «Перед началом рождественского поста, 13 ноября 1810 года... родился... сын Николай... Дедушка Иван Мокеевич, отец Ивана Ивановича, которому уже перевалило за сто, осторожно взял на руки кричащего малыша и, поцеловав его в щечку, перекрестил:

– Господи, помилуй! Господи, благослови!...

А затем улыбнулся:

– Перед Рождеством Христовым добрый русский молодец родился, слава ему!

Шум метели и скрип ставен за окном перебились вдруг церковным пением.

– Служба началась... — в волнении произнес дядя Николай Николаевич...

Няня, добродушная, голубоглазая старушка в темно-красном платке и старинной кружевной накидке, взяла из дедушкиных рук малыша и прошептала:

– Благодинный наш, ох как обрадуется. И назовем мы его Николаем в честь Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца.

Отец подошел к маленькому столику в правом углу, где висели иконы, и теплилась лампадка. Быстро пролистал одну из церковных книг и сказал:

– Да, матушка, перечить тебе не могу. Будет назван мой сын в честь Святителя и Чудотворца — Николаем. Бедных жалеть он будет и побеждать врагов» [4, с. 6–7].

2020 год уже вошел в историю человечества как эпоха пандемии новой коронавирусной инфекции, показавшей хрупкость нашей цивилизации при всем ее видимом совершенстве и техническом прогрессе. В этой

Шевченко Ю.Л.
 ВЫСОКИЙ ДАР НЕБЕС.
 К ВОПРОСУ О КАНОНИЗАЦИИ Н.И. ПИРОГОВА

связи в профессиональном медицинском сообществе, да и среди народа в целом существенно возрастает значение просвещенной духовности и приверженности высшим гуманистическим идеалам. Естественно, что в такое трудное время люди ищут защиты и покровительства в вере, в ее разумном обосновании и христианском осмыслении происходящих событий.

Многие врачи в России и других странах в своей лечебной деятельности молятся и призывают на помощь светлый образ Николая Ивановича Пирогова, равно как и имя его небесного покровителя святителя Николая Чудотворца. Доктора Пироговского Центра в каждодневном служении больным мысленно обращаются за помощью и поддержкой к Господу, повторяя слова молитвы великого хирурга:

Господи Боже мой, удостой меня быть орудием мира твоего, чтобы я прощал — где обижают, чтобы соединял — где ссора, чтобы воздвигал веру — где давит сомнение, чтобы возбуждал радость — где горе живет.

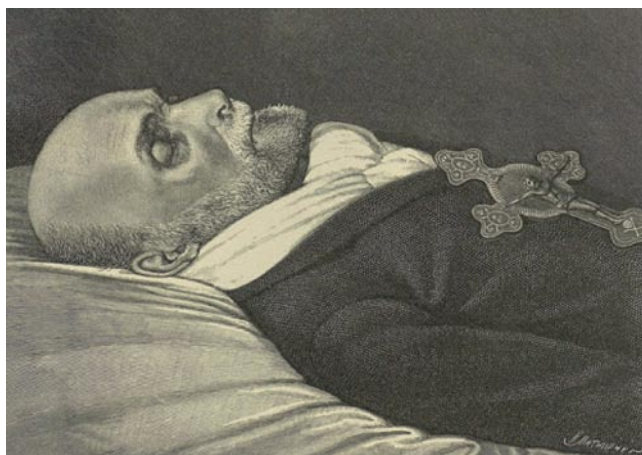
Господи, Боже мой, удостой: не чтобы меня утешали, но чтобы я утешал, не чтобы меня понимали, но чтобы я других понимал. Не чтобы меня любили, но чтобы я других любил. Ибо кто дает — тот получает, кто себя забывает — тот приобретает, кто прощает — тому прощается, кто умирает — тот просыпается к вечной жизни!

Десять лет назад, в год 200-летия со дня рождения Н.И. Пирогова, во многих странах широко праздновали этот знаменательный юбилей. На торжественных мероприятиях в Москве в храме Христа Спасителя, а также на пироговской земле в Виннице, в своих актовых речах и многих других наших работах о Пирогове мы высказывали твердую убежденность в его несомненной святости.

Высшей оценкой деяний праведника является его канонизация Церковью. И для этого существуют весомые аргументы. Вся жизнь Пирогова — это пример исключительной любви к людям и верности своему Отечеству, все свои силы, талант, опыт и знания он без остатка посвятил деяниям на самом гуманном и богоугодном поприще — целительстве.

В своей врачебной деятельности Пирогов руководствовался высокими идеалами христианского сострадания и милосердия к больному. Эти постулаты всегда служили и служат основой подготовки и воспитания врачей в отечественных медицинских школах. Там формировались самоотверженность и готовность к самопожертвованию при выполнении врачебного долга — великие и святые качества, свойственные многим поколениям отечественных врачей. Об этих качествах писал А.И. Куприн в «Чудесном докторе», имея в виду Пирогова, служившего не себе, но Богу и всему страждущему человечеству: «И каждый раз, заканчивая свое повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от еле скрываемых слез:

– С этих пор точно благодетельный ангел снизошел в нашу семью. Все переменялось. В начале января отец отыскал место, матушка встала на ноги, меня с

Н.И. Пирогов на смертном одре (вверху — с литографии Матюшина, внизу — современное фото).

братом удалось пристроить в гимназию на казенный счет. Просто чудо совершил этот святой человек» [16, с. 204].

Очевидно, что не без основания в нашем народе уже давно укоренилась глубокая убежденность и вера в чудодейственные способности великого хирурга, объяснимые не только его талантом, потрясающей трудоспособностью и чистотой помыслов, но, несомненно, еще и Божьим даром.

Сейчас мы готовимся к празднованию 210-летия со дня рождения Пирогова. А в 2021 г. исполнится 140 лет со дня преставления этого великого сына человечества и славного нашего соотечественника. Приближающиеся юбилейные даты дают нам счастливый повод к тому, чтобы еще раз переосмыслить удивительную жизнь Пирогова, даже не жизнь, а подлинное христианское житие святого подвижника. Все больше и больше возмечивается убежденность в том, что только Божий избранник, каким, несомненно, является Пирогов, был способен совершать такие выдающиеся и благие дела на ниве врачебного делания, был способен творить и лечить с великой жертвенной любовью к людям и во славу Господню!

Президент и основатель НМХЦ им.Н.И.Пирогова академик Ю.Л. Шевченко в Пироговском музее Центра.

Я твердо знаю и искренне верю, что вопрос о причислении Н.И. Пирогова к лику святых найдет живой отклик в широких массах мирян и духовенства. Наконец, пришло время сказать свое слово по этому поводу нашим Церквям.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов (The author declare no conflict of interest).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Пирогов Н.И. *Вопросы жизни. Дневник старого врача.* — Иваново: ПресСто, 2009. — 426 с. [Pirogov N.I. *Voprosy zhizni. Dnevnik starogo vracha.* Ivanovo: PresSto; 2009. 426 p. (In Russ).]
2. Пирогов Н.И. *Анналы хирургического отделения клиники Императорского университета в Дерпте (год издания I: с 1 апреля 1836 г. по 1 апреля 1837 г.).* — М.: Госиздатмедлит, 1959. — С. 8–279. [Pirogov N.I. *Annaly khirurgicheskogo otdeleniya kliniki Imperatorskogo universiteta v Derpte (god izdaniya I: s 1 aprelya 1836 g. po 1 aprelya 1837 g.).* Moscow: Gosizdatmedlit; 1959. pp. 8–279. (In Russ).]
3. Пирогов Н.И. *Анналы хирургического отделения клиники Императорского университета в Дерпте (год издания II).* — М.: Госиздатмедлит, 1959. — С. 280–509. [Pirogov N.I. *Annaly khirurgicheskogo otdeleniya kliniki Imperatorskogo universiteta v Derpte (god izdaniya II).* Moscow: Gosizdatmedlit; 1959. pp. 280–509. (In Russ).]
4. Брежнев А.П. *Пирогов.* — М.: Молодая гвардия, 1990. — 476 с. [Brezhnev A.P. *Pirogov.* Moscow: Molodaya gvardiya, 1990. 476 p. (In Russ).]
5. Пирогов Н.И. *Вопросы жизни. Первая редакция.* / Под ред. Ю.Л. Шевченко, К.В. Забелин. — Смоленск, М.: Странник, 2018. — С. 24–40. [Pirogov N.I. *Voprosy zhizni. Pervaya redaktsiya.* Ed by Yu.L. Shevchenko, K.V. Zabelin. Smolensk, Moscow: Strannik; 2018. pp. 24–40. (In Russ).]
6. Pirogoff N. *Anatome topographica: sectionibus per corpus humanum congelatum triplici directione ductis illustrata.* Petropoli: Jacob Trey; 1852–1859.
7. Шевченко Ю.Л., Козовенко М.Н. Духовно-философское наследие Н.И. Пирогова // *История медицины.* — 2014. — №1. — С. 80–93. [Shevchenko YuL, Kozovenko MN. *Dukhovno-filosofskoe nasledie N.I. Pirogova. Istoriya meditsiny.* 2014;(1):80–93. (In Russ).]
8. Бурденко Н.Н. *О Н.И. Пирогове с исторической точки зрения.* — Юрьев: Тип. К. Маттисен, 1908. — 14 с. [Burdenko NN. *O N.I. Pirogove s istoricheskoi tochki zreniya.* Yur'ev: Tip. K. Mattisen; 1908. 14 p. (In Russ).]
9. Кони А.Ф. *Пирогов и школа жизни Памяти Николая Ивановича Пирогова (1810–1910): сборник статей.* — СПб.: Школа и жизнь, 1911. — С. 10–27. [Koni AF. *Pirogov i shkola zhizni Pamyati Nikolaya Ivanovicha Pirogova (1810–1910): sbornik statei.* St. Petersburg: Shkola i zhizn', 1911. pp. 10–27. (In Russ).]
10. Оппель В.А. *История русской хирургии: Критический очерк в 2 частях.* — Вологда: Вологодское обл. отд. Гос. изд-во, 1923. — 409 с. [Oppel' VA. *Istoriya russkoi khirurgii: Kriticheskii ocherk v 2 chastyakh.* Vologda: Vologodskoe obl. otd. Gos. izd-vo, 1923. 409 p. (In Russ).]
11. Штрайх С.Я. *Н.И. Пирогов.* — М.: Журнально-газетное объединение, 1933. — 159 с. [Shtraikh SYa. *N.I. Pirogov.* Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie; 1933. 159 p. (In Russ).]
12. Зеньковский В. *История русской философии.* — М.: Академический проект, Раритет, 2001. — 880 с. [Zen'kovskii V. *Istoriya russkoi filosofii.* Moscow: Akademicheskii proekt, Raritet; 2001. 880 p. (In Russ).]
13. Войно-Ясенецкий В.Ф. (Архиепископ Лука). *Наука и Религия. В кн.: Очерки гнойной хирургии.* — М., СПб.: БИНОМ, Невский Диалект, 2000. Т. 8. С. 642–672. [Voino-Yasenetskiy VF. (Archiepiskop Luka). *Nauka i Religiya.* In: *Ocherki gnoynoi khirurgii.* Moscow, St. Petersburg: BINOM, Nevskii Dialekt; 2000. Vol. 8. pp. 642–672. (In Russ).]
14. Пирогов Н.И. *Труды по профилактической медицине, судебно-медицинские заключения, автобиографические произведения: (1869–1881).* — Т. 8. — М.: Госиздатмедлит, 1962. — 435 с. [Pirogov NI. *Trudy po profilakticheskoi meditsine, sudbno-meditsinskie zaklyucheniya, avtobiograficheskie proizvedeniya: (1869–1881).* Vol. 8. Moscow: Gosizdatmedlit; 1962. 435 p. (In Russ).]
15. *Сочинения Н.И. Пирогова: Издание в память столетия со дня рождения Николая Ивановича Пирогова 1810 – 13 ноября – 1910: в 2 томах.* — Т. 2. *Вопросы жизни. Дневник старого врача.* — Киев: Издание Пироговского общества, 1910. — 682 с. [Sochineniya N.I. Pirogova: *Izdanie v pamyat' stoletiya so dnya rozhdeniya Nikolaya Ivanovicha Pirogova 1810 – 13 noyabrya – 1910: v 2 tomakh.* Vol. 2. *Voprosy zhizni. Dnevnik starogo vracha.* Kiev: Izdanie Pirogovskogo obshchestva; 1910. 682 p. (In Russ).]
16. Куприн А. Чудесный доктор. В кн.: *Рождественское чудо. Рассказы русских писателей.* — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. — С. 192–204. [Kuprin A. *Chudesnyi doktor.* In: *Rozhdestvenskoe chudo. Rassказы russkikh pisatelei.* Moscow: OLMA Media Grupp; 2014. pp. 192–204. (In Russ).]